

С.Н. Булгаков

Чехов как мыслитель

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
С11

С11 **С.Н. Булгаков**
Чехов как мыслитель / С.Н. Булгаков – М.: Книга по Требованию, 2014. –
47 с.

ISBN 978-5-458-54651-5

ISBN 978-5-458-54651-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Чеховъ какъ мыслитель.

*Публичная лекція *).*

Не безъ смущенія приступаю я къ рѣчи о Чеховѣ. Мнѣ слишкомъ ясно, насколько трудно сказать о немъ что нибудь его достойное. Словомъ не передать всего очарованія его поэзіи, грустно задумчивой какъ молчаливая русская даль, сумрачной какъ осеннее русское небо, трепетной и нѣжной какъ закатъ сѣвернаго солнца, глубокой и чистой какъ насторожившаяся лѣтняя ночь. Долго лилась и звучала эта пѣсня, рожденная русской стихіей и русской природой, раздольная и унылая, пѣсня о сѣромъ небѣ и о вольной дали, о постылой долѣ и невѣдомомъ счастьѣ, пѣсня, надрывающая душу тоской и заставляющая «трепетать отъ неизъяснимыхъ предчувствій», и вдругъ... оборвалась, и всю Россію ударила по сердцу скорбная вѣсть. Едва ли мы сами вполне сознавали, насколько мы любили Чехова, насколько былъ дорогъ, нуженъ, близокъ намъ почившій художникъ,—часто только смерть открываетъ глаза и заставляетъ дать полную оцѣнку того, что потеряно. И пока потеря Чехова для насъ незакрывшаяся кровоточащая рана, невольно хочется еще

*) Читана осенью 1904 года въ Ялтѣ и Петербургѣ.

и еще говорить о ней, останавливаться благодарной памятью на его художественномъ наслѣдствѣ и дѣлать новыя попытки его осмыслить. Теперь, когда творчество Чехова имѣется передъ нами во внѣшнемъ законченномъ видѣ, и мы уже не услышимъ вновь его голоса, для него настаетъ судъ потомства, а для русскаго общества трудная и отвѣтственная задача дать возможно точную опись того, что поступаетъ въ его культурный инвентарь, въ его художественную сокровищницу.

Я держусь того мнѣнія, что духовный капиталъ, оставленный намъ Чеховымъ въ его произведеніяхъ, далеко еще не получилъ надлежащей оцѣнки. Хотя значеніе Чехова, какъ классика родного слова, никѣмъ не оспаривается, однако въ пониманіи общаго смысла его литературной дѣятельности существуетъ большая неясность и разногласіе. Въ началѣ литературнаго поприща Чехову доставалось отъ современной критики за безпринципность, т. е. за то, что его литературная дѣятельность оставалась чужда всякаго интеллигентскаго «направленія» (извѣстно, что подобными упреками грѣшилъ тогда даже покойный Михайловскій), въ послѣднее время за Чеховымъ признано было «направленіе», ему выдано было свидѣтельство о литературной благонадежности, и «сія послѣдняя лестъ бысть горше первыя». На этомъ основаніи литературная дѣятельность Чехова въ настоящее время обычно дѣлится на два періода, изъ которыхъ первый характеризуется отсутствіемъ у него гражданскихъ добродѣтелей, а второй ихъ появленіемъ. Однако при такомъ измѣреніи Чехова аршиномъ существующихъ направленій, слишкомъ мало задаются вопросомъ о томъ, въ чемъ же состоитъ своеобразие собственной фізіономіи Чехова, внѣ этого болѣе чѣмъ сомнительнаго дѣленія на періоды. Намъ поражаетъ въ этомъ отно-

шеніи тотъ любопытный фактъ, что самъ Чеховъ никогда не ставилъ хронологическихъ датъ на своихъ произведеніяхъ, ихъ нѣтъ и въ послѣднемъ полномъ собраніи его сочиненій. Мы усматриваемъ въ этомъ во всякомъ случаѣ цѣнный намекъ и указаніе на то, какъ мало значенія придавалъ точной хронологіи своихъ произведеній самъ авторъ, очевидно, не знавшій никакого крутого поворота въ направленіи своей литературной дѣятельности. И намъ дѣйствительно она представляется единымъ цѣлымъ, проникутымъ однимъ общимъ міровозрѣніемъ; объ основныхъ чертахъ этого міровозрѣнія, насколько оно отразилось въ произведеніяхъ Чехова, я и хочу повести сегодняшнюю бесѣду.

Опредѣлить эти черты представляется далеко нелегкой задачей, благодаря тому, что излюбленная форма Чеховскаго творчества есть сравнительно небольшой рассказъ, слѣдовательно, для этой цѣли нельзя ограничиться, какъ у многихъ другихъ писателей, анализомъ нѣсколькихъ основныхъ произведеній. У Чехова отсутствуетъ такое *Standardwerk*, потому остается одинъ путь — попробовать получить, такъ сказать, мозаическую картину, суммируя мысли и впечатлѣнія отъ большого количества произведеній сравнительно мелкихъ и внѣшне разрозненныхъ.

Итакъ, вниманіе наше останавливаетъ при этомъ какъ разъ то, что и для самого художника представляется не только самымъ важнымъ, нужнымъ и серьезнымъ въ его литературной дѣятельности, но вмѣстѣ съ тѣмъ большимъ, мучительнымъ, составляя предметъ напряженныхъ исканій, тревожныхъ и часто безотвѣтныхъ вопросовъ, обращаемыхъ имъ къ жизни и къ самому себѣ. Мы подходимъ къ Чехову со стороны общечеловѣческой, обращаясь къ нему не только какъ къ художнику, одаренному

божественнымъ, но и опаснымъ, могучимъ, но и отвѣтственнымъ даромъ искусства, а какъ къ человѣку, отвѣтственному предъ тѣмъ же великимъ и страшнымъ судомъ совѣсти, одержимому тѣми же муками, сомнѣніями и бореніями, что и мы, и лишь особымъ, ему одному свойственнымъ способомъ выражающему ихъ въ художественныхъ образахъ. Это не значитъ, конечно, чтобы мы хотѣли умалить или оставить въ тѣни ихъ чисто художественное значеніе, но останавливая вниманіе именно на томъ, что составляетъ святая святыхъ въ каждомъ человѣкѣ, будь онъ великій мастеръ или заурядный чернорабочій, на его міросозерцаніи, мы отдаемъ высшую дань благочестиваго вниманія духовному міру художника.

И тѣмъ не менѣе эта постановка вопроса, тема «Чеховъ какъ мыслитель» для многихъ, вѣроятно, звучитъ парадоксально. Въ устраненіе этой кажущейся парадоксальности я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ и о задачахъ искусства вообще, насколько это необходимо въ цѣляхъ настоящаго изложенія.

Человѣческая душа нераздѣльна, и запросы мыслящаго духа остаются одни и тѣ же и у ученаго, и у философа, и у художника: и тотъ, и другой, и третій, если они дѣйствительно стоятъ на высотѣ своихъ задачъ, въ равной степени и необходимо должны быть мыслящими людьми и каждый своимъ путемъ искать отвѣтовъ на общечеловѣческіе вопросы, однажды предвѣчно поставленные и вновь постоянно ставящіеся человѣческому духу. И всѣ эти вопросы въ своей совокупности складываются въ одну всеобъемлющую загадку, въ одну вѣковѣчную думу, которую думаетъ и отдѣльный человѣкъ, и совокупное человѣчество, въ думу о себѣ самомъ, въ загадку, формулированную еще греческой мудростью: познай само-

го себя. Человѣкъ познаетъ самого себя и во внѣшнемъ мірѣ, и въ философскихъ ученіяхъ о добрѣ и злѣ и въ изученіи историческихъ судебъ человѣчества. И все-таки не перестаетъ быть самъ для себя загадкой, которую вновь и вновь ставитъ передъ собой каждый человѣкъ, каждое поколѣніе. Вслѣдствіе того, что искусство есть мышленіе, имѣющее одну и ту же великую и общечеловѣческую тему, мысль человѣка о самомъ себѣ и своей природѣ, оно и становится дѣломъ важнымъ, труднымъ, серьезнымъ и отвѣтственнымъ. Оно становится служеніемъ, требующимъ отъ своего представителя самоотверженія, непрерывныхъ жертвоприношеній, сока нервовъ и крови сердца. Великое служеніе есть и великое страданіе. Потому, между прочимъ, такъ справедливы эти слова Л. Н. Толстого.

«Дѣятельность научная и художественная въ ея настоящемъ смыслѣ только тогда плодотворна, когда она не знаетъ правъ, а знаетъ одніѣ обязанности. Только потому, что она всегда такова, что ея свойство быть таковою, и цѣнить человѣчество такъ высоко ея дѣятельность. Если люди дѣйствительнѣ призваны къ служенію другимъ духовной работой, они въ этой работѣ будутъ видѣть только обязанности и съ трудомъ, лишеніями и самоотверженіемъ будутъ исполнять ихъ. Мыслитель и художникъ никогда не будетъ сидѣть спокойно на олимпійскихъ высотахъ, какъ мы привыкли воображать. Мыслитель и художникъ должны страдать вмѣстѣ съ людьми для того, чтобы найти спасеніе или утѣшеніе». И намъ думается, Чеховъ былъ именно такимъ художникомъ, котораго здѣсь рисуетъ Толстой.

Говоря такимъ образомъ, мы нисколько не хотимъ умалить правъ искусства на свободу. Истинное искусство свободно въ своихъ путяхъ и исканіяхъ, оно само себѣ

довлѣтъ, само по себѣ ищетъ, само себѣ законъ. Въ этомъ смыслѣ формула *искусство для искусства* вполне правильно выражаетъ его права, его самостоятельность, его свободу отъ подчиненія какимъ-либо извнѣ поставленнымъ; вѣрнѣе, навязаннымъ заданіямъ. Этому пониманію противорѣчитъ тенденціозность въ искусствѣ, при которой у послѣдняго отнимается его право самочиннаго исканія, самобытныхъ художественныхъ обобщеній и находимыхъ въ нихъ общечеловѣческихъ истинъ, при которой искусство принижается до элементарно-утилитарныхъ цѣлей популяризаціи тѣхъ или иныхъ положеній, догматически воспринятыхъ и усвоенныхъ извнѣ. Какъ бы искусно ни была выполнена подобная задача, все же это есть фальсификація искусства, его поддѣлка, ибо здѣсь отсутствуетъ самостоятельность художественнаго мышленія, тотъ своеобразный интуитивный синтезъ, который мы имѣемъ въ искусствѣ. Тенденціозное искусство художественно неискренно, оно есть художественная ложь, результатъ слабости или извращеннаго направленія таланта. Чеховъ всей своей дѣятельностью боролся за свободу искусства, принципъ, которому въ силу своеобразныхъ историческихъ условій развитія нашего отечества вообще не повезло на русской почвѣ. Не даромъ Чехову такъ доставалось въ такъ наз. первый періодъ его литературной дѣятельности за его яко бы безпринципность.

Однако на основаніи сказаннаго выше очевидно, что свободное искусство тѣмъ самымъ не становится безмысленнымъ и потому бессмысленнымъ виртуозничаньемъ, въ которое склонны были превратить его крайніе представители декадентства. Помимо того, что въ подобномъ случаѣ искусство изъ высшей дѣятельности духа низводится до какого-то празднаго развлеченія или спорта, это вовсе

и не есть истинное искусство, ибо послѣднее требуетъ всего человѣка, его душу, его мысль. Оно всегда серьезно, содержательно; оно является, въ извѣстномъ смѣслѣ художественнымъ мышленіемъ. Только такое искусство получаетъ серьезное, общечеловѣческое значеніе, становится не только радостью и украшеніемъ жизни, но и ея насущной пищей. Вдохновенному взору художника открываются такія тайны жизни, которыя не подѣ силу уловить точному, но неуклюжему и неповоротливому аппарату науки; озаренному свыше мыслителю-художнику иногда яснѣе открыты вѣчные вопросы, нежели школьному философу, задыхающемуся въ книжной пыли своего кабинета, поэту дано глаголомъ жечь сердца людей такъ, какъ не можетъ и никогда не смѣетъ скромный научный специалистъ. И, кромѣ того, художникъ говоритъ простымъ и для всѣхъ доступнымъ языкомъ, художественные образы находятъ дорогу къ каждому сердцу, между тѣмъ какъ для знакомства съ идеями философіи и науки, помимо досуга, необходима специальная подготовка даже только для того, чтобы ознакомиться съ специальной терминологіей, перепрыгнуть эту изгородь, отдѣляющую научное мышленіе отъ обыденнаго. Естественно, что чѣмъ важнѣе и шире тѣ задачи и проблемы, которыя ставить себѣ искусство, тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаетъ оно для людей: И примѣняя этотъ масштабъ сравнительной оцѣнки литературы соответственно важности и серьезности ея задачъ и темъ, нельзя не отвести одного изъ первыхъ мѣстъ въ міровой литературѣ нашему родному искусству. Русская художественная литература—философская *par excellence*. Въ лицѣ своихъ титановъ—Толстого и Достоевскаго—она высоко подняла задачи и обязанности художественнаго творчества, сдѣлавъ своей главной темой самыя глубокія и основныя проблемы че-

ловѣческой жизни и духа. Духъ этихъ исполиновъ господствуетъ въ нашей литературѣ, подобно гигантскимъ маякамъ, указывая ей путь и достойныя ея задачи, и ничто жизненное и жизнеспособное въ ней не можетъ избѣжать этого вліянія. Чеховъ является достойнымъ выразителемъ этихъ лучшихъ традицій нашей литературы, многое роднитъ его съ обоими ея корифеями и послѣ нихъ онъ является писателемъ наибольшаго философскаго значенія.

«Призваніе всего человѣчества,—говоритъ Чеховъ устами художника въ *Домикъ съ мезониномъ*, — въ духовной дѣятельности, въ постоянномъ исканіи правды и смысла жизни... удовлетворить его могутъ только религія, науки, искусства... Науки и искусства, когда они настоящія, стремятся не къ временнымъ, не къ частнымъ цѣлямъ, а къ вѣчному и общему,—они ищутъ правды, смысла жизни, ищутъ Бога, душу». Въ этихъ словахъ опредѣляется и общее содержаніе творчества и самого Чехова, и оно посвящено тому, въ чемъ онъ видѣлъ задачу истинной науки и искусства: исканію правды Бога, души, смысла жизни.

«Мнѣ кажется,—говоритъ Маша въ *Трехъ Сестрахъ* (и едва-ли ея устами не говоритъ здѣсь самъ Чеховъ) человѣкъ долженъ быть вѣрующимъ, или долженъ искать вѣры, иначе жизнь его пуста, пуста... Жить и не знать, для чего журавли летятъ, для чего дѣти рождаются для чего звѣзды на небѣ... Или знать, для чего живешь, или все пустяки, трынъ-трава». Почти дословно повторяя Достоевскаго, Чеховъ говоритъ какъ-то, въ одномъ изъ маленькихъ и раннихъ рассказовъ («*На пути*») про русскую интеллигенцію. «Я такъ понимаю, что вѣра есть способность духа. Она все равно что талантъ, съ нею надо ро-

даться. Насколько я могу судить по себѣ, по тѣмъ людямъ, которыхъ видалъ на своемъ вѣку, по всему тому, что творилось вокругъ, эта способность присуща русскимъ людямъ въ высочайшей степени. Русская жизнь представляетъ изъ себя непрерывный рядъ вѣрованій и увлеченій, а невѣрія и отрицанія она еще, ежели желаете знать, и не нюхала. Если русскій человѣкъ не вѣритъ въ Бога, то это значитъ, что онъ вѣруетъ во что-нибудь другое».

Въ произведеніяхъ Чехова ярко отразилось это русское исканіе вѣры, тоска по высшемъ смыслѣ жизни, мятущееся безпокойство русской души и ея больная совѣсть. Большинство сравнительно крупныхъ произведеній Чехова, и многія мелкія, посвящено изображенію духовнаго міра людей, охваченныхъ поисками правды жизни и переживающихъ муки этого исканія. Я назову «Скучную исторію», «Мою жизнь», «По дѣламъ службы», «Случай изъ практики», «Разсказъ неизвѣстнаго человѣка», «Палату № 6», «Дуэль», «Крыжовникъ», «Иванова», «Дядя Ваня», «Три Сестры», «Вишневый садъ» и др.

Самымъ яркимъ и замѣчательнымъ произведеніемъ Чехова, въ которомъ наиболѣе отразилась указанная особенность его творчества, намъ представляется *Скучная исторія*. Я думаю, у всѣхъ въ памяти несложная, какъ всегда у Чехова, фабула этого произведенія. Герсй ея— знаменитый ученый съ европейскимъ именемъ, преданный наукѣ до самозабвенія, страстно вѣрящій въ ея всемогущество и считающій ее «вышимъ проявленіемъ любви»; этотъ благороднѣйшій человѣкъ, съ трогательной скромностью и простосердечіемъ разсказывающій о своихъ слабостяхъ, уже стоя одной ногой въ могилѣ и сознавая это, дѣлаетъ, подъ вліяніемъ внѣшняго толчка, даннаго исто-

ріей любимой племянницы Кати, страшное и воистину неожиданное открытіе, совершенно словившее ученаго спеціалиста. Вотъ это открытіе: «сколько бы я ни думалъ и куда бы ни разбрасывались мои мысли, для меня ясно, что въ моихъ желаніяхъ нѣтъ чего-то главнаго, чего-то очень важнаго. Въ моемъ пристрастіи къ наукѣ, въ моемъ желаніи жить, въ этомъ сидѣніи на чужой кровати и въ стремленіи познать самого себя, во всѣхъ мысляхъ, чувствахъ и понятіяхъ, какія я составляю обо всемъ, нѣтъ чего-то общаго, что связывало бы ихъ въ одно цѣлое. Каждое чувство и каждая мысль живутъ во мнѣ особнякомъ, и во всѣхъ моихъ сужденіяхъ о наукѣ, театрѣ, литературѣ, ученикахъ и во всѣхъ картинкахъ, которыя рисуетъ мое воображеніе, даже самый искусный аналитикъ не найдетъ того, что называется общей идеей, или богомъ живого человѣка. А коли нѣтъ этого, то значить нѣтъ и ничего». При такой бѣдности достаточно было серьезнаго недуга, страха смерти, вліянія обстоятельствъ и людей, чтобы все то, что я прежде считалъ своимъ міровоззрѣніемъ и въ чемъ видѣлъ смыслъ и радость жизни, перевернулось вверхъ дномъ и разлетѣлось въ клочья. Ничего же поэтому нѣтъ удивительнаго, что послѣдніе мѣсяцы своей жизни я омрачилъ мыслями и чувствами, достойными раба и варвара, что я теперь равнодушенъ, и не замѣчаю расцвѣта... Я побѣжденъ»!.. Я знаю въ мировой литературѣ мало вещей болѣе потрясающихъ, нежели эта душевная драма, исторія религіознаго банкротства живой и благородной человѣческой души.

Аналогичную исторію мы имѣемъ въ *Палатъ № 6*, гдѣ герой сходитъ съ ума, не умѣя справиться съ мучительными вопросами и утеравъ равновѣсіе душевныхъ силъ. И однако его душевная болѣзнь представляется слѣдствіемъ